

В девятнадцатилетнем возрасте лицо Цзян Яо было таким светлым и нежным, будто из его пор могла вытечь вода. Ее кожа была гладкой, как бархат и полной коллагена. Из-за ее светлого лица, красноватые царапины были очень заметны.

Лу Синчжи очень осторожно наносил мазь на ее лицо. Быстро смазав царапину, он убрал руку. Затем он перевел взгляд на ее глаза.

Лу Синчжи был застигнут врасплох, когда увидел ее нежный и улыбающийся взгляд, от которого даже его тело напряглось.

Он был удивлен тем, что она не уклонялась от его прикосновений и тем, что она так спокойно и мило смотрела на него.

— Пойдем, я хочу есть, — Лу Синчжи застенчиво отвел глаза и сунул руки в карманы. Он бросил взгляд на Цзян Яо, жестом приглашая ее спуститься вниз.

Цзян Яо кивнула. Она сделала шаг вперед, но быстро отступила. Она взглянула на Лу Синчжи и сказала серьезным тоном:

— Никогда больше не говори так со своей сестрой. Посмотри, как ты ее расстроил.

Несмотря ни на что, Лу Юйцин желала ему добра, и она была замечательной сестрой, которая следила за своим братом, поэтому Цзян Яо надеялась, что Лу Синчжи не расстроит свою сестру из-за нее.

— Не волнуйся, она похожа на пушку, которая будет в порядке, когда взорвется, — Лу Синчжи пожал плечами и приподнял брови. Они росли вместе, так что Лу Синчжи знал свою сестру как свои пять пальцев.

Тем не менее, совет Цзян Яо смягчил его настроение. Уважение Цзян Яо к Лу Юйцин означало, что она уважает его семью.

Когда они спустились вниз, госпожа Лу и Лу Юйцин уже поставили еду на стол и собирались позвать их. Госпожа Лу пригласила их сесть в столовой, когда увидела, как они спускаются по лестнице, и взглянула на красное пятно на лице Цзян Яо. Конечно же, как и ожидала Лу Юйцин, Лу Синчжи отвел Цзян Яо обратно в комнату, чтобы нанести мазь, поэтому она не стала комментировать это.

У Цзян Яо была очень нежная кожа, и на ней оставались следы всякий раз, когда она натывалась на что-нибудь. Миссис Лу решила, что будет лучше решить это раньше.

Лу Синчжи редко возвращался домой с тех пор, как уехал на базу, самое большее раз или два в год. Таким образом, обеденный стол был заполнен любимыми блюдами Лу Синчжи из-за его

редкого возвращения.

Говоря об этом, по сравнению с его семьей, которая предпочитала легкую и тонкую пищу, Лу Синчжи предпочитал есть жирную, острую и тяжелую. Вероятно, это было из-за его четырехлетнего обучения в военной школе Цзиньдо, а затем на его базе на севере.

В результате, еда на столе была яркой по цвету, аромату и вкусу. Даже Цзян Яо, которая любила мягкую пищу, почувствовала, как у нее заурчало в животе, когда она посмотрела на аппетитные блюда.

В отдаленной деревне глубоко в горах имелись ограниченные запасы продовольствия, не говоря уже о мясе. Все те годы, что она провела в деревне, она была вегетарианкой. Поэтому, глядя на стол, она чувствовала себя немного шокированной и погруженной в транс.

Заняв свое место, госпожа Лу заметила, что Цзян Яо не взяла свои столовые приборы, и резко выпалила:

— У меня есть немного каши в кастрюле! Ты больна, я думаю, что ты, вероятно, не восстановила свой аппетит. Я приготовила для тебя кашу. Подожди минутку, я сейчас принесу.

— Мама... — Цзян Яо хотела остановить госпожу Лу, так как она хотела есть мясо, но прежде чем она успела что-либо сказать, женщина исчезла на кухне и вернулась с миской каши исключительно для нее.

Глядя на свою тарелку простой овощной каши перед глазами, Цзян Яо мельком взглянула на Лу Синчжи и его миску с мясом. Затем она начала глотать безвкусную кашу.

Хотя, откровенно говоря, овощная каша была невкусной и невзрачной на вкус, Цзян Яо чувствовала тепло и искреннюю заботу госпожи Лу.

Ее письмо о приеме вызвало бурю споров и протестов со стороны семьи утром, даже заставив их поссориться из-за нее. Однако, пока миссис Лу была занята приготовлением пира для своего сына, она не забыла приготовить ей каши, думая, что из-за болезни и плохого аппетита она, возможно, предпочтет простую пищу.